

Если взглянуть на молодой город «в профиль», рассмотреть городской абрис, то его можно смело назвать «голландским». Это мы можем заметить, если взглянемся в задние планы гравюр А. Ф. Зубова с видами Петербурга 1717 г. Там, вдали, за стоящими на переднем плане красивыми зданиями, повсюду виднеются типично голландские шпили — шпицы, на которых развеваются гюйсы и флаги, как это до сих пор можно видеть в Голландии. А. И. Богданов насчитал в Петербурге середины XVIII в. не менее 50 шпицов! На гравюрах можно также увидеть, что большинство разводных мостов сделаны с голландскими, напоминающими склонившихся аистов, противовесами, которые выкрашены белилами,⁴ как это делают в Голландии до сих пор, что неудивительно — почти все их построил голландский мастер Герман ван Болес. Они довольно долго сохранялись в Петербурге, но в начале XIX в. казались старомодными. Мемуарист, видевший в 1802 г. такие мосты, переброшенные через рвы Адмиралтейской крепости, отметил: «...подъемные мосты в голландском, простом и не рассчитанном на изящество вкусе».⁵

Эту «голландскую картину» дополнял звон голландских курантов на церквях, Адмиралтействе, колокольне Петропавловского собора. Припомним также и множество типично голландских мельниц, вращавших свои крылья не только на Стрелке Васильевского острова или на Охте, где было их целое скопление, но и в самых разных местах столицы, в том числе на бастионах Петропавловской крепости. Этим крепость походила на Амстердам, на бастионах которого в то время также стояли мельницы. Ветряные мельницы, которые строили голландцы, мололи муку, «терли» доски, «семент», порох, качали воду («водоливные мельницы»), хотя для этого чаще использовались специальные машины, приводимые в действие лошадиной силой.

В 1721 г. в Петергофе голландцы строили особую мельницу, «которая будет пиловать и полярывать мраморовой и всякой мяжкой камень, кроме

³ Базарова Т. А. Планы как источники по истории Петербурга Петра I: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. С. 134.

⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 27а. Л. 579. Документ об отпуске 10 пудов белил «для крашения подъемных мостов, которые построены на Адмиралтейской стороне», — РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 46. Л. 579.

⁵ Бутенев А. П. Воспоминания о моем времени // РС. 1881. Кн. 3. С. 33.

дикого и крепкого камня».⁶ Голландцы Клас Яган Воп, Питер Дирк и др. с 1719 г. возводили бумажную мельницу в Екатерингофе, а другой мельничный мастер, Вильям Ковеновен — мучные мельницы на бастионах Петропавловской крепости.⁷ В Екатерингофе и других местах голландцы строили водоподъемные мельницы для осушения почвы. На пороховых мельницах на Городовом острове голландские мастера на выписанных «голландских пороховых камнях» крутили (так писали в то время) русский порох. Свинцовые фонтанные трубы и статуи для Летнего сада и Петергофа по моделям Растрелли-отца отливал упомянутый выше «мастер свинечного литья и паяния» Корнелий Гарлинг (Корнилиус Гарлей).⁸ В 1720 г. из Петербурга были отпущены домой «полотняного дела мастеровые люди» Свер Алберц и Герит Руловс, наладившие производство знаменитого голландского полотна,⁹ вероятно, на Калинкиной (Екатерингофской) фабрике.

Современники постоянно отмечали, что многие дома города сделаны «в голландском вкусе». Упомянутый выше творец петербургских мостов «шпичный и кровельных дел мастер и столяр» Герман ван (или, как тогда писали, «фан» или «фам») Болес возводил башни и колокольни, строил здания, хотя в целом голландцы в Петербурге проявили себя как неважные архитекторы. Каналы в городе копали под надзором «слизного мастера» Питера ван Гезеля (или Гелдена, Геллера, Геселена), Андреяна Гоутора и Виллема Ковенховена (Couwenhooven).¹⁰ Оранжереи и погребовые делали Дирк ван Ершт, тот же ван Болес, а также Тимофей Фонармус, владелец кирпичных заводов в окрестностях города, поставлявших на стройки Петербурга миллионы белых и красных голландских кирпичей.¹¹ Стены дворцов из них выкладывал каменщик Дирк ван Намберс.¹² Часы на колокольне Петропавловского собора, а потом Адмиралтейства устраивал и чинил «часовой мастер Андрис Форсен», а музыкальный механизм часов лежал на совести «колокольного игрального музыканта» Ягана Христофора Форстера. Позже их сменил мастер Оортон.¹³ Другой Форстер (Яган Христиан) «творил семент» на Пудожских заводах и «в селе Сарском украшал алебастром покои» как «мармулир и архитектор».¹⁴ Вершины шпилей венчали, как и до сих пор это в Голландии, флюгеры: ангел на Петропавловской крепости, кораблики на Адмиралтействе и Партикулярной верфи, Георгий Победоносец на Летнем дворце Петра, вздыблен-

⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 46. Л. 224.

⁷ Там же. Д. 10в. Л. 534—540; Оп. 2. Д. 33а. Л. 277.

⁸ Там же. Д. 37а. Л. 370 об.

⁹ Там же. Ф. 468. Оп. 43. Д. 7. Л. 67.

¹⁰ Там же. Ф. 467. Оп. 2. Д. 266. Л. 531; Д. 45. Л. 176—177; Д. 33а. Л. 1.

¹¹ *Грaбapь И. Э.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. СПб., 1994. С. 78—81; РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 527. Л. 18.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 4в. Л. 250.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 25. Л. 370 об.

¹⁴ Там же. Д. 26в. Л. 910. Впрочем, в одном из списков он упомянут как гамбуржец («гамбурец») — РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 37а. Л. 370 об.

ная лошадка на Главном корпусе Конюшенного ведомства, глобус на Кунсткамере¹⁵ и, наверное, мортирка на шпиге Литейного двора.

Голландский стиль был виден и в садах и парках как самого Петербурга, так и его окрестностей. Загородные усадьбы, как и городские, делали по образцу голландских «увеселительных» домов и окружавших их регулярных садов. Расположение их на Петергофской дороге свидетельствовало о том, что Петр воспроизводил голландский «ландшафтно-градостроительный принцип линейных систем усадеб, расположенных в ряд вдоль водных протоков».¹⁶

Конечно, зная, как много иностранных мастеров самых разных специальностей работало в Петербурге, можно сказать, что не только голландцы создавали наш город, но и французы, итальянцы, немцы, как из собственно германских государств, так и из завоеванной Россией Прибалтики. Здесь трудились также армянские мастера, строившие (правда, без успеха) турецкую баню, шведские военнопленные и, конечно, во множестве — русские архитекторы, мастера, рабочие.

Но при этом не будем забывать, что все эти мастера, от великого Леблон до последнего каменщика, работая под постоянным, придирчивым надзором Петра, подстраивались под его вкусы. На облике раннего Петербурга эти вкусы отразились очень ярко. В основе же их лежала безмерная любовь Петра к Голландии. И то, что позже было названо «петровским барокко», на самом деле было вариантом голландского барокко, приспособленным к условиям России. Самым выразительным примером этой страсти может служить знаменитый деревянный Домик Петра I, раскрашенный под красный голландский кирпич. Глядя на странные для России и невозможные для климата Петербурга огромные, широкие голландские окна Домика с мелкой расстекловкой, понимаешь, сколь преувеличенным, эмоциональным был восторг Петра перед Голландией, ее культурой, образом жизни ее народа. Это преувеличение, пристрастие видно и во многом другом, идет ли речь о любимом царем голландском сыре (без которого он, казалось, не мог жить и ревниво замерял каждый кусок перед тем, как вернуть в кладовую), или о лестнице в Летнем дворце, которую надлежало «сделать голландским маниром»,¹⁷ или о голландских газетах, которые государь «читывал после обеда» и «на которых делывал свои примечания»,¹⁸ или о флоте, который

¹⁵ *Грабарь И. Э.* Петербургская архитектура... С. 60—62. На дворце в эстляндском поместье Кадриорге предполагалось сделать «спичевые фигуры осми рыб» — РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 44. Л. 1320.

¹⁶ Подробнее см.: *Горбатенко С. Б.* Петергофская дорога: Ораниенбаумский историко-ландшафтный комплекс. СПб., 2001. С. 22—28; *Дубяго Т. Н.* Русские регулярные сады и парки. Л., 1963. С. 31; *Йонг де Э. А.* «Paradis Batavus»: Петр Великий и нидерландская садово-парковая архитектура // *Петр I и Голландия: Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого.* СПб., 1997. С. 286—303; *Рейман А. Л.* Голландское влияние на садово-парковое искусство Петербурга XVIII века // Там же. С. 304—317.

¹⁷ *Грабарь И. Э.* Петербургская архитектура... С. 50.

¹⁸ *Майков Л. Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 53.

плавал по голландским артикулам,¹⁹ или о золоченой яхте, спущенной на воду в 1723 г., в которой Петр предписывал иметь постели, сервиз, скатерти и салфетки, «как водится в Голландии на случай посылки и для путешествия знатных особ».²⁰ Он писал это так, как будто не имел подобных английской или прусской яхт, как будто нигде, кроме Голландии, не строили судов, в кают-компаниях которых держали сервиз или салфетки. Как всегда, эпигоны доводят пристрастия гения до абсурда. Для этого достаточно посмотреть на спальню во дворце Меншикова — все стены и даже потолок ее покрыты дорогой дельфтской плиткой (даже сейчас сохранилось 27 тыс. плиток), хотя ничего подобного и в таком количестве для украшения одного дома в самой Голландии не было.

Посылая учиться за границу архитектора Ивана Коробова в 1724 г., царь предписывал ему ехать в Голландию потому, что «строение здешнее сходнее с голландским. Надобно тебе жить в Голландии и выучить манер голландской архитектуры, а особливо фундаменты, которые мне здесь нужны: также низко, также много воды, такие нужны тонкие стены... Сады как их размерять, украсить леском, всякими фигурами, чего нигде на свете так хорошо не делают, как в Голландии». Он же говорил: «Дай Бог мне здоровья, и Петербург будет второй Амстердам!»²¹ И надо сказать, царь многое для этого сделал.

Впоследствии, когда столица расширилась и перестраивалась под влиянием других архитектурных стилей, «голландский Петербург» как бы утонул, растворился, ушел в фундаменты, скрылся за фасадами нового, растреллиевского, а потом — классического Петербурга. Но памятью о «голландском детстве» нашего города могут служить золотые шпили Петропавловского собора и Адмиралтейства, форма которых сохранилась со времен Петра Великого, когда их возводил и украсил Ангелом и Корабликом Герман ван Болес, а также куранты Петропавловского собора, которым дал голос голландский курантный мастер Оортон.

В чем-то Петербург был, действительно, похож на Амстердам. Расположенный на низине, также заливаемой водой, Петербург, как и его петровский «побратим», не был тем не менее легко доступен для мореплавателя. Нева, как и река Ай, глубокая и широкая в своем течении через город, впадая в залив, намыла мели, которые низкосидящие корабли пройти не могли; чтобы преодолеть их, требовалось немало усилий. В Голландии эти мели называют Пейпус, и до сих пор пьянчужку, с трудом перебравшегося через порог собственного дома, поздравляют с «преодолением Пейпуса».

В Голландии морские суда бросали якоря у острова Тессиль, то есть у самого входа в залив. Там было два рейда, один из которых назывался

¹⁹ Кротов П. А. Об использовании голландского военно-морского законодательства при разработке уставных положений Российского флота во второй половине XVII—первой четверти XVIII века // Источниковедение: Поиски и находки. Воронеж, 2000. Вып. 1. С. 120—130.

²⁰ Богатырев И. В. Галерная верфь Петра I // Судостроение. 1983. № 12. С. 63.

²¹ Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. С. 43.

«Московитский». Товары с судов перегружали на плоскодонные суда и везли в Амстердам. Точно так это делалось в Кронштадте. Иначе пройти в город было трудно. Как писал в 1710 г. Ю. Юль, при глубине на банках в 10, самое большее в 11 футов (т. е. 4—4,5 м) «фрегатам, несмотря на их небольшое углубление, приходилось почти совсем разоружаться и разгружаться».²² Впрочем, в отличие от Пейпуса под Амстердамом, у самого входа в Неву возле Васильевского острова моряков ждали особые трудности. На некоторых первых планах Петербурга отмечалось, что вход в реку судоходен, глубокий, но «из-за поворотов реки, к тому же имеющих быстрое течение, путь весьма сложен, особенно при входе».²³ Вот почему, знакомясь с мемуарами иностранцев 1730-х гг., мы узнаем, что они попадали в Петербург через более спокойную Малую Неву. На карте устья Невы 1701 г. видны проставленные глубины (в футах): вход по Большой Неве — 4, 5, 5, 4, 4, 5 и т. д., а вот отметки входа по Малой Неве — 11, 12, 12, 18, 24, 24, 21, 14 и т. д.²⁴

У голландцев был и другой способ преодоления своего Пейпуса, который также использовали в Петербурге: суда перетаскивали через мели с помощью понтонов — камелов. Так же делали и в Петербурге — новопущенные с адмиралтейских стапелей корабли приходилось с помощью камелов и галер тащить через мели к Кронштадту и там уже довооружать. Поэтому и не случайно, что у Котлина, по мере роста тоннажности линейного флота, возникла военно-морская база, а в новом городе, получившем сначала в обиходе, а с 1723 г. — официально, название Кронштадт, селились моряки. Начиная с 1712 г. здесь, рядом с военной гаванью, создавалась купеческая, предназначенная для крупных торговых судов.